

М. Н. ВЛАСОВА

ПРОЗАИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР ВЕЛИЖСКОГО И РУДНЯНСКОГО РАЙОНОВ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ; ТРОИЦКАЯ ОБРЯДНОСТЬ

(ПО ЗАПИСЯМ 1978, 1982—1985 ГГ.)

Несказочная проза

Успешная экспедиционная деятельность последней четверти XX в., в первую очередь — осуществленная Е. Н. Разумовской и работавшими бок о бок с нею учениками и соратниками, заполнила многие лакуны в изучении музыкального фольклора и этнографии русско-белорусского пограничья. Однако систематическое описание сюжетного и мотивного фонда прозаического фольклора не могло стать для этномузыковедов приоритетными.

Выдающиеся собиратели, исследователи XIX — начала XX вв. — Н. Я. Никифоровский, В. Н. Добровольский — также не ставили перед собой задачи поступенчатой, подробной и полной фиксации прозаического фольклора деревень, входивших в столь сложную в историко-культурном отношении агломерацию как «Витебская Белоруссия» (Н. Я. Никифоровский) или «Смоленский край» (В. Н. Добровольский).

Полагая, что достаточная основа¹ доказательного исследования, которое позволило бы выявить особенности и динамику развития рассматриваемых традиций отсутствует, ограничусь со-

¹ Здесь мы имеем в виду отсутствие Указателей сюжетов и мотивов либо комментированных сборников произведений несказочной прозы, явившихся результатом «сплошного», проводившегося из года в год обследования конкретных районов.

поставлениями типологического характера,² дополнив их фольклорно-этнографическими материалами, собранными на протяжении четырех-пяти лет в двух районах Смоленской области, в деревне Шумилово Велижского района и селе Понизовье Руднянского района.

В подборку текстов, помещенных в конце статьи, вошла преимущественно та категория несказочной прозы, которая в русской фольклористике обозначается как «былички и бывальщины» или «суеверные рассказы».³ Жанровые особенности быличек емко охарактеризованы В. Я. Проппом⁴ (в XIX — начале XX в. эту разновидность крестьянской прозы воспринимали как относительно «случайную» форму фиксации тех или иных верований).

На Смоленщине, как и в других районах России, былички сохраняются в живом бытовании вплоть до начала XXI в. Большая часть сюжетов публикуемых быличек имеет общерусское хождение. Местная специфика прослеживается в особенностях «реального» обрамления чудесных событий, которое является одной из отличительных черт жанра и, наряду с варьированием традиционного сюжета, дает простор для творческой интерпретации.

«Беглый срез» локальных традиций позволяет выявить ряд тематических групп, видимо, особенно здесь популярных: это повествования о том, как «водит» и морочит путников; о колдунах и лекарях; о посмертной участи человека. Ряд распространенных сюжетов записан в интерпретации одаренных рассказчиц — А. Ф. Гапеевой, А. А. Дроздовой, П. Л. Ершовой.⁵

Длительное, из года в год, общение с этими смоленскими крестьянками переросло «узкоспециальные» рамки собирательства, став неотъемлемой частью моего жизненного опыта.⁶ Самые светлые воспоминания связаны с глубоко интеллигентным (несмотря на неграмотность), вдумчивым, сострадательным человеком — Анисей Александровной Дроздовой. Красивая, живого и веселого нрава молодая женщина, счастливая в замужестве,

² Подробнее публикуемые тексты рассмотрены в комментариях к ним.

³ № 2—7, 11—14 публикации.

⁴ «Под быличками понимаются рассказы, действующими лицами которых выступают лешие, водяные, полевика, домовые, русалки, банники и т. д., то есть демонические существа, проявляющие на человеке свои сверхъестественные силы, добрые или злые. Мы предлагаем выделить былички — по признаку принадлежности их образов к дохристианской религии, не умершей к моменту исполнения рассказа, и по признаку веры в действительность передаваемых событий — в особый жанр». — *Пропп В. Я.* Русская сказка. Л., 1984. С. 46, 48.

⁵ № 2—4, 6—8, 11—13, 14 публикации.

⁶ О различных аспектах и значимости «личного опыта» собирателя см.: *Ромодин А. В.* Человек творящий: Музыкант в традиционной культуре. СПб., 2009. С. 4—6.

Илл. 1. А. Ф. Гапеева и Ф. С. Васильева
(д. Шумилово Велижского района Смоленской области, 1984 г.).

овдовела, когда ей было немногим за тридцать лет. Муж Анисьи Александровны погиб во время Великой Отечественной войны, по смутно дошедшим до нее слухам — был замучен в концлагере (облит ледяной водой на морозе). Рассказ про гадание о судьбе мужа краток, но предельно выразителен.

«Загадывала на хозяина с войны. Вижу: купёнок и купёнок (холмик. — *М. В.*), и всё.

А после гадалка говорит:

— Тетенька, ты не беспокойся про него. Он в глубоком-преглубоком месте и не придет. И не беспокой его».

Акулина Филипповна Гапеева, в противоположность сдержанно-печальной Анисье Александровне, — пребывала в непрерывных раздумьях, сомнениях, хлопотах («живем как горох при

дороге»). Во время войны деревня Шумилово долго находилась в полосе военных действий. Сельчане скитались, покинув дома и хозяйство. «Корову в войну за собой водила: куда мы, туда и корову, — вспоминала Акулина Филипповна. — Нас все переселяли. Думала, не переживу. Недалеко от Велижа отошли, и видно, как там бьются. Уходила — огород был запаханный, и прикопала картошку, я же ее не взяла. Меня отселили, а картошку военные взяли. Ой, мы натерпелись: придем куда — картошку едят. Ничего не надо, нам бы картошки». Перемогая беды, Акулина Филипповна «страстно и пристрастно» оценивала события личной и общественной жизни, находя в них глубокий, необыденный смысл. Эти черты ее личности отразились в творчестве; в напряженности и яркой образности ее повествований.

«Не спавши на небе видела. Это ж кабы знать, какого числа — только первую мобилизацию мы отправили.

Это был туман сильный, соединивши с землей, а на восход зарево. Туман стал подниматься, и образовалась дорога. А на той дороге правители как на крыльчке сходят.

И образовался Гитлер этот... Я его не видела еще тогда, после в Велиже увидела в газете. Тогда он махнул правой рукой, и войска подвинулись. Машины как копны бегли, потом мотоциклисты пошли.

Я к соседке побегла.

— Вставай, — говорю, — чтой-то делается на небе!

Она то ли увидела, то ли нет, глянула — и враз закричала. Прощай войска, и они исчезли, и закрылась дорога.

И под восход вышли трое — Хрущов, Маленков и еще ктой-то белый. И за этим исчезло все...»

Троицкая обрядность

На протяжении нескольких лет (1982—1985 гг.), в д. Шумилово Велижского района Смоленской области, — благодаря заинтересованному, творческому участию Акулины Филипповны Гапеевой, Федосьи Сидоровны Васильевой и других местных жительниц⁷ — мне удавалось фиксировать троицкий обряд «венчания коров».

Это действие, являющее собой «локальный вариант общеславянской скотоводческой обрядности»⁸ привлекло пристальное

⁷ Из года в год деятельное участие в «венчании коров» принимали Ф. Андреева (год рождения не зафиксирован); М. С. Гапеева (1905 г. р.), В. М. Андреева (1910 г. р.).

⁸ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда (По материалам русско-белорусского пограничья) // Северобелорусский

Илл. 2. Троицкое «венчание» коров в поле
(д. Шумилово Велижского района Смоленской области, 1982 г.).

внимание фольклористов в последней четверти XX в., когда обряд находился на грани исчезновения. Сведения о нем собирались фрагментарно, в разных районах Смоленской, Тверской, Псковской, Новгородской областей. Научная добросовестность, думается, все же не позволяет делать на основе имеющегося материала некоторые обобщающие выводы глобального звучания, по крайней мере — о бытовании обряда «автономными зонами», хотя нельзя не согласиться с тем, что он существовал, по-видимому, «в многообразии локальных вариантов».⁹

По моим наблюдениям начала 80-х годов XX в., «венчание коров» в живом бытовании имело довольно расплывчатые формы, напоминающая варьирующий обычай, а не отчетливо структу-

сборник: Обряды, песни, наигрыши, плачи, ворожба. СПб., 2012. С. 65—66. В данной статье (С. 66) содержится библиография по исследуемой теме. В ней не упомянуты, к сожалению, комментированные материалы из Холмского района Новгородской области (см.: Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. Пословицы и поговорки. Загадки, Детский фольклор. Эсхатология / Сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2006. С. 193—194, 437—438), смежного с Андреапольским районом Тверской области, где «венчание коров» было зафиксировано Г. Г. Шаповаловой и Л. С. Лаврентьевой.

⁹ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 66.

Илл. 3. Семья Васильевых «венчает» корову
(д. Шумилово Велижского района Смоленской области, 1982 г.).

рированный ритуал.¹⁰ В немалой степени этому способствовало падение «института пастушества», сопутствующее исчезновению одной из центральных фигур реконструируемого действия — пастуха-профессионала, обладающего особыми знаниями и статусом. В Шумилове коров давно пасли «в очередь»; в роли пастуха мог оказаться любой из сельчан, вивший либо не вивший венки для коров по своему усмотрению. «Кто в поле — тот и вьет».

¹⁰ Его основные составляющие (в интерпретации В. В. Виноградова): «1. Подготовка венков пастухами. 2. Передача венка пастухом хозяйке. Обрядовые действия с венком. 3. Хранение и дальнейшее использование коровьего венка». — *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 67.

Ключевой фигурой венчания становилась, таким образом, хозяйка коровы — приверженная либо не приверженная традиции; обряд перемещался в сферу домашней, семейной жизни.¹¹

Для Акулины Филипповны Гапеевой, трепетно относившейся к соблюдению традиций и венчавшей корову дома вне зависимости от того, будет ли она «увенчана» пастухом, изготовление венка было почти священнодействием, одной из кульминаций праздничного Духова дня. Тщательно — с утра пораньше («до Духа никакой веночек вить нельзя») она отбирала ветви: «хорошо ясень, березка, черемшина, лозинка белая, осинка, каждого дерева лиственных, кроме яблони. Что плодится — нельзя». Непременный компонент венка — черемуха (черемуха), обладающая целебными свойствами и ввиваемая «от болезни».

Изготовление венка из ветвей различных деревьев и кустарников — отличительная черта традиции деревни Шумилово и соседней с ней Будницы, где использовались липа, клен, береза, черемуха, смородина.¹² Такое же разнообразие отмечено в Жарковском районе Тверской области.¹³ Прочие традиции «демонстрируют единство в выборе материала для венка — ветви березы»,¹⁴ однако, как очевидно, упоминания о разнообразии состава венка в Велижском районе устойчивы. Эта локальная тра-

¹¹ Упоминания о том, что корову венчал владелец животного, не единичны: «Коровам совьешь на рог и гонишь» (*Духовщ.*). «Венки завивал на роги хозяин, чтоб не болели» (*Кардым.*). Веночек завивают в поле хозяева (*Смолен.*). «Иногда сами вили» (*Велиж.*). — Смоленский музыкально-этнографический сборник (далее — СМЭС). Т. 1. Календарные обряды и песни. М., 2003. С. 331—332.

¹² СМЭС. Т. 1. Календарные обряды и песни. С. 332.

¹³ По сведениям из Жарковского района (*Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 67) черемуха для венка «запретна», что в корне противоречит представлениям о благотворности черемухи, распространенным и в д. Шумилово, и в с. Понизовье.

¹⁴ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 67. Приводимый В. В. Виноградовым перечень дополняет традиция Холмского района Новгородской области, с тем уточнением, что в д. Пономарёво Холмского района материалом для венка могли служить не ветви березы, а «желтенькие цветы». — Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 437. Отмечу также: в четырех из восьми записей, сделанных в Смоленской области (Кардымовский, Демидовский, Велижский районы), состав венка не указан. В двух записях из Духовщинского и Смоленского районов упомянуты березовые ветви; еще в одной записи из Велижского района имеется сноска на «цветы». — СМЭС. Т. 1. Календарные обряды и песни. С. 331—332. Столь разнородные и неполные сведения, особенно с учетом противоречивых записей из Велижского района, едва ли могут стать основой доказательных обобщений.

диция имела некий ареал распространения, определить границы которого сейчас не представляется возможным.

Особо значимы перечень и характеристики растений, используемых жителями Шумилова для изготовления венка: клен, береза, липа (М. С. Гапеева); любое из лиственных деревьев, особенно клен, черемуха,¹⁵ за исключением ольхи и осины (Ф. Андреева, Ф. С. Васильева) либо ольхи и рябины (М. С. Гапеева). Из кустарников упоминается смородина (М. С. Гапеева). Отношение к рябине и осине варьируется в пределах одной деревни. Ср.: «Рябину можно» (Ф. Андреева); «У нас один дед старый давным-давно удавился на рябине. Я едва помню. С тех пор не носим» (М. С. Гапеева).

Трудно сказать, является ли такое объяснение локальным либо к рябине отнесена распространенная легенда о проклятой осине, на которой удавился Иуда.¹⁶

Рябина, как и осина, — особо отмеченное, двойственно воспринимаемое дерево в поверьях ряда регионов России. Ср.: «Из деревьев Сатана произвел рябину, осину, подсолнечник и табак. На плодах рябины... Бог заметил что-то вроде крестов, да и лист рябины похож на крест (лапчатый), а потому отобрал это дерево у Сатаны».¹⁷ В с. Понизовье Руднянского района рябину (наряду с калиной, малиной, березкой, лозинкой, крушиной) ввивали в троицкий венок, изготавливаемый для людей.¹⁸ Осину «не ломали» («горькая осина, проклянутое дерево»), хотя уточняли: осина наделена целебными свойствами — «лекарственная» (Х. П. Мартынова).

Не имея возможности останавливаться на этом подробно, подчеркну: шумиловский троицкий венок не только разнообразен по составу, но (в первую очередь — благодаря различию

¹⁵ Черемуху и клен относили к «майской», вносимой в хлев «для хо-рошего» зелени и в с. Понизовье Руднянского района Смоленской области (Х. П. Мартынова, 1906 г. р.). Целительные свойства черемухи отмечены в записи середины XIX в.: отправляясь в церковь в Духов день, помимо трав (полыни, аира и др. — М. В.) брали с собой ветви черемухи и березы, освящали и «употребляли в болезнях». — Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. XXI. Смоленская губерния / Сост. М. Цебриков. СПб., 1862. С. 280.

¹⁶ Версия этой легенды бытовала в Витебской губернии: Иуда «ны осини задавився, а ны олешину кров пускав», поэтому у осины — горький вкус, а у сырой ольховой древесины — кровавый цвет. — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах собрал в Витебской губернии Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897. С. 130.

¹⁷ Новг., Череп., АРЭМ. № 679, л. 2—3.

¹⁸ «В бане большой венок вешали. Березки, рябина, где какое собирали. Помыешься, пролазишь, — кто три раза, кто раз» (Х. П. Мартынова).

Илл. 4. Троицкий венок на стене хлева
(Велижский район Смоленской области, 1980 г.).

практических и символических свойств используемых растений) полифункционален¹⁹ и, главное, красив. «Для красоты — дуб кучерявый, клянина — лист широкий. Клянина хорошо, дуб, ясень» (А. Ф. Гапеева). Плетение не исключительно утилитарного, красивого «венка-венца» подразумевало творческий, индивидуальный подход.

Венки в Шумилове плели для каждой коровы, телки и, кроме того, — «про запас», чтобы повесить на хлев, если «увенчанное» животное свой венок растреплет.

На протяжении нескольких лет я наблюдала разные варианты «венчания коров»: хозяйкой — во дворе; сельчанами, пасущими «в очередь» — в поле. Исполнение этого ключевого для местной традиции действия зависело исключительно от норова коровы, спокойной и ласковой; «смелой» (не боязливой) либо пугливой и недоверчивой. «Которая коровка смелая — на рога настелю и идет домой с венком. Одной ли, двум — которые сме-

¹⁹ Ср.: в венок вплетали ветви дуба, «чтобы рога были крепкие» (Польское Поморье). — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 463. Деревья различных пород исцеляют болезни, оздоравливают питьевую воду, предсказывают будущее, помогают в хозяйстве. — *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937. С. 61.

лые» (Ф. Андреева). «Которую корову поймашь — наденешь» (Ф. С. Васильева). «Рукастым» (бодучим) коровам венки «прививали к рогам» (А. Ф. Гапеева). Соответственно, венки «стелили», «надевали», «прививали».

Ср. также небесспорное разделение венков и «заплетенных на рогах» ветвей: венки надевались на животное и «представляли некую ценность», использовались для магических действий; ветви лишь «украшали» коров.²⁰

Неполнота этнографических материалов не дает оснований для отчетливого разграничения надевания венка на рога либо шею животного и завивания венка на рогах коровы: детальные описания «завивания» («заплетания») отсутствуют. Некоторые формулировки (венки надевают, смиренным коровам — заплетают на рогах — *Нелид.*; венки заплетают на рогах — *Андреаполь.*; «венчают вокруг рог» — *Холм.*; венки «прививают к рогам» — *Велиж.*) указывают, по-видимому, не на особый вид венчания, а на способ укрепления венка на рогах животного.

Согласно наиболее определенным сведениям из Холмского района Новгородской области, «кругом рог обвивали березинку» — эквивалент полифункционального «венка-венца». Само название «венчание», как и сопоставление венка с венцом устойчиво в соседствующих районах Тверской, Псковской и Новгородской областей — Куньинском, Нелидовском,²¹ Холмском. «На Троицу вили веночки — так и коровушке надо венец»; «Коров в полях венчают. Которая к хлебу подойдет — оденут».²²

Однако «терминологические нюансы» не затрагивают сути действия — охранительного, продуцирующего, приобщающего к силам весенне-летнего расцвета универсума.²³ «Венок — для отгона, чтобы волки к скотине не подходили» (Ф. Андреева). Венок — «для скота» (для благополучия скота — *М. В.*), и так «ведется от потопа» (Ф. С. Васильева).

Если венки плелись в поле, то, «увенчав» несколько коров, некоторую их часть разносили по дворам одновременно с возвращением стада. «В прошлый год я села, повила, тогда всем раз-

²⁰ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 68—69.

²¹ Там же. С. 69, 70.

²² Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 193—194, 437.

²³ Троицкий венок «содержит и задерживает в себе растительную силу земли». — *Пропт В. Я.* Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963. С. 130. На «широкий спектр значений» обряда «венчания коров», в том числе — «соотносимых с обережной функций венка и функцией самого круга» указывает Т. А. Агапкина. — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. С. 464.

несла» (Ф. Андреева). Изготовителя венка одаривали. «Яички несколько давали, парочку. Блины обязательно» (Ф. С. Васильева). «На Духа» яйца красили «черемухой, березкой, крапивой» — в желтый, а не красный цвет. По воспоминаниям, некогда также одаривали «пастуха-профессионала», однако в бытующей местной традиции процедура передачи венка не занимала центрального места и была куда менее значима, нежели само «венчание». ²⁴

Венок, свитый дома либо принесенный, «ставили в кут (красный угол — М. В.) на три-четыре дня» (Ф. С. Васильева). Такое обыкновение в Шумилове было практически повсеместным и приумножало, по-видимому, заключенные в венке силы, его сакральность. Ср. упоминание о «святости» венка — (Жарк.). ²⁵

Затем венок вешали на хлев (А. Ф. Гапеева, Ф. С. Васильева) либо клали на крышу хлева (Ф. Андреева). Спустя год венок заменяли, точнее — дополняли новым, поскольку каждый очередной венок должен был находиться во дворе до трех лет: «висит три года» (А. Ф. Гапеева, Ф. С. Васильева). ²⁶

Постоянное пребывание венка во дворе, на стене хлева — залог благополучия домашней скотины, что с несомненностью подчеркивает его основное назначение — «для скота». Согласно свидетельству из Демидовского района Смоленской губернии — венок в хлеву вешают, «чтобы скот велся, усё такое». ²⁷ Венок не терял значимости, не «оставался без особого внимания», даже если с ним не производили дальнейших магических действий.

²⁴ Обряд «венчания», где ключевой фигурой является пастух, а способы передачи венка и последующие действия с ним «составляют главную специфику локальных вариантов» реконструирован В. В. Виноградовым. — *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 69—71.

²⁵ Там же. С. 73.

²⁶ Отслуживший венок снимали («который на крыше — сам сгниет» — Ф. Андреева) и выбрасывали «куда хошь» (А. Ф. Гапеева) либо «бросали в хлев», с тем уточнением, что на протяжении трех лет снятый венок должен был так или иначе находиться во дворе (Ф. С. Васильева, А. Ф. Гапеева). Противоречивость суждений о последующей судьбе венка в других локальных традициях, вплоть до того, что ему «не придавали значения» (Олен., Духовщ., *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 72), думается, в первую очередь обусловлена неполнотой записей либо размытием традиции. Уничтожение венка, как и любого предмета, утратившего сакральность, но остающегося «чистым», традиционно регламентировалось. — *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. С. 68. Ср. подробные сведения из Холмского района: «Венок вешали на двор, а потом бросали в позем, а позем вывозили на полюсу». Варианты: венок сжигали; его съедала (трепала) «развенчанная» корова. — Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 437.

²⁷ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 72.

Постулаты, согласно которым особое значение венку придают лишь последующие ритуальные действия (к примеру — доение сквозь венок), а время его хранения и способы уничтожения зависят, в свою очередь, от «ритуальной ценности»,²⁸ представляются достаточно спорными. Наиболее ценным, целебным в Шумилове мог считаться венок, всего лишь провисевший на стене хлева в течение трех лет (Ф. С. Васильева), т. е., напротив, «ритуальная ценность» венка определялась длительностью хранения.

В критических ситуациях венок использовали для лечения коров. «Бывают у животных стрелки (схватки) схватывают: венком труть, и они отпускают» (А. Ф. Гапеева).

«Моя корова, с поля шовши, раз бахнулась, и все! — повестует Акулина Филипповна Гапеева. — Она завалилась кверху ногам, глаза выгалила. Я прибегла:

Ой, рятунки! Помирает моя корова!

И была бабка. Венок уж неколи...

— Ломайте мне чаремшину!

Она с чаремшиной походила круг телки, наша телка стала и пришла, только как пьяная.

Это от сглазу.

Раз провела корову скрозь народ. Ничог не заметила... А в вечере: молоко ёсть, но молока она мне уже не дала.

Я к ей пришла.

— Сейчас, детка, помогу тебе!

Принясла венок, положила от порога на метр. Потом еще второй — на метр. На третьем стала на коленки, стала воду шептать.

— Видишь корову свою скрозь бутылку? Ее сглазили. Приди, помочи коровку и дай ей выпить.

Тая баба потом сгорела. Она дуже помогала!»

Венок мог служить и для исцеления людей (сквозь венок, провисевший на хлеве не менее трех лет, «протягивали» больного ребенка — Ф. С. Васильева), однако разделение венков («коровый» и / или «человеческий»), в зависимости от «функционального назначения»,²⁹ в местной традиции не прослеживается.³⁰

Не прослеживается, как отмечалось выше, и разграничение венков, сплетенных «для украшения» нескольких коров из стада, и венков, изготовленных для каждой коровы в отдельности;

²⁸ Там же. С. 71, 72.

²⁹ *Виноградов В. В.* Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 69.

³⁰ Согласно двум свидетельствам из других деревень Велижского района, протягиванием сквозь венок, подкуриванием его листьями лечили и людей, и животных. В единичной записи из этого же района он использовался «от грозы». — СМЭС. Т. 1. Календарные обряды и песни. С. 331—332.

«главного» (передаваемого из рук в руки») и «коровьего» (остающегося на животном) венка.

Сведения о подобном «удваивании венков» (термин, используемый В. В. Виноградовым), немногочисленны и в основном ограничивают от прочих тот веночек, который плели специально «на подойник».

Помимо Демидовского района Смоленской области,³¹ это обыкновение отчетливо зафиксировано в Холмском районе Новгородской области. «Коров венчали кругом рог, и на подойники делали венки»; «На эти дни крепче коров обязательно венчали (корова ходила в венке «денечка три». — *М. В.*). Я в полях, если мой черед пасти, должна веночек сплести, а хозяйки на ворота повесят, чтоб доить через веночек. <...> Подоит хозяйка и повесит веночек на дверь, а корова растягает».³² Записи из соседнего Андреапольского района Тверской области соотносят количество венков (два) и ритуальное доение коровы сквозь веночек.³³ В единичном тексте из Велижского района Смоленской области засвидетельствовано: коров доят сквозь веночек «для молока и здоровья», но количество изготовлявшихся веночков не уточнено.³⁴

Венки, надетые в поле на «давшихся в руки» коров, в сущности «увенчивают» все стадо; в таком контексте их точное количество не принципиально. В пределах двора венками, в том числе — собственноручно свитыми дома, распоряжается по своему усмотрению хозяйка: возлагая либо не возлагая венки на животных, помещая либо не помещая венки, снятые с коров, в кут, но непременно вешая пролежавший в красном углу веночек на хлев.³⁵

Таким образом, важнейшие эпизоды местной традиции «венчания коров», сохранившейся в живом бытовании: изготовление веночков из ветвей деревьев и кустарников определенных пород; возложение венка на корову (в поле либо дома); возложение веночков на нескольких животных в стаде (эквивалент «венчания»

³¹ Там же. С. 331.

³² Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 193—194, 437.

³³ *Шатовалова Г. Г.* Майский цикл весенних обрядов // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 109; *Шатовалова Г. Г.* Традиционный фольклор сегодня (по материалам экспедиций в Калининскую и Костромскую области) // Современность и фольклор. М., 1977. С. 275.

³⁴ СМЭС. Т. 1. Календарные обряды и песни. С. 331—332.

³⁵ По обычаям Холмского района, на следующий день корову могли «развенчать». — Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 193. Приоритетная роль в этом действе, как и в ритуальном доении сквозь веночек, отводилась не пастуху, а хозяйке.

стада); пребывание венка в красном углу избы и последующее — во дворе.³⁶

По наблюдению В. В. Виноградова, в Жарковском районе Тверской области разнообразие состава троичного венка, свиваемого для коров, коррелирует с разнообразием троичной зелени («мая») — «на сопредельных территориях “май” представлен только березовыми ветками».³⁷ Такое же соотношение характерно для Шумилова: помимо березы, «маем» здесь считают клен, липу, смородину.

Разнообразие «мая» было отмечено на Смоленщине в середине XIX в.: «В субботу перед Духовым днем церкви и дома внутри и снаружи украшают “маем” — срубленными молодыми березками, кленам и липой».³⁸

Согласно записям последних лет, к «маю» относят ветви березы, рябины, калины, сирени, дуба, тополя, ясеня, клена, черемухи, липы.³⁹

К сожалению, сведения о «мае» в форме отдельных примеров из разных районов Смоленской области едва ли могут дать материал для сопоставления собственно троичной зелени и зелени, вплетаемой в венки. К примеру, сообщено, что в Руднянском районе «духовский веночек, сквозь который пролезали после бани «для здоровья», изготавливали из березовых ветвей».⁴⁰ Однако в селе Понизовье того же района такой веночек вили из калины, малины, лозины, крушины, а «маем» считали черемуху и клен (см. выше).

Местную «шумиловскую» традицию отличает особая форма внесения троичной зелени на кладбище: в духовскую субботу кресты на могилах родственников «увивают» (обвивают) ветвями цветущих растений, преимущественно — жасмина и сирени. «Увивание крестов» — с любовью и тщанием — предшествует поминальной трапезе на могиле, которую осеняют снежно-белые и сине-фиолетовые соцветья.

В немногочисленных записях из северо-западных районов Смоленской области, описывающих обычай «украшать “маем” могилы умерших родственников»⁴¹ параллели к «увиванию» отсутствуют. Ср.: «май» или «пучок мая» (конкретное растение не

³⁶ При отсутствии квалифицированных этнографических описаний, сделанных хотя бы в XIX – начале XX в., а не в период угасания местных традиций, построение некоего «инварианта обряда», его изначально заданной схемы проблематично.

³⁷ Виноградов В. В. Троичное «венчание коров»: локальные варианты обряда... С. 67.

³⁸ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. XXI. Смоленская губерния. С. 280.

³⁹ СМЭС. Т. 1. Календарные обряды и песни. С. 334.

⁴⁰ Там же. С. 332.

⁴¹ Там же. С. 338.

Илл. 5. М. С. Гапеева «увивает» крест.
(д. Шумилово Велижского района Смоленской области, 1986 г.)

названо) втыкают («торкают») в могилу (*Рудн., Велиж.*); «обтаркивают» могилу березовыми ветвями (*Рудн.*); кладут на могилу ветви явора (*Краснин.*). В единичных сообщениях на могилу, наряду с березовыми, приносят кленовые ветки и «калину с цветом» (видимо, втыкая в землю) (*Рудн.*); «торкают» в землю цветы (*Велиж.*). Ближе всего к описываемому «увиванию креста» обыкновение «вешать май на крест» (к сожалению, уточнения, касающиеся самого «мая» и сопутствующих действий отсутствуют) (*Велиж.*).⁴²

Не затрагивая глубинных пластов значений этого обычая, отмечу, что его народные осмысления различны и зачастую обусловлены разностью производимых с «маем» действий. «Май» кладут или втыкают в изножье могилы; стегают им могилу либо обметают, то есть «пряют родителей» (могилу); «опахивают могилу»; «глаза опахивают» (*Витеб., Смол., Новг., Пск., Петерб.*).

Точка зрения, согласно которой перечисленные действия синонимичны и являются «ослабленной формой» обычая «прочитать глаза умершим», сопряженным с представлением об их «оказиональном зрении»,⁴³ кажется неадекватно однозначной.

⁴² Там же.

⁴³ *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл. С. 397.

Обычай «парить родителей» можно трактовать как очистительный, «воскрешающий», приобщающий к кругообороту «жизнь — смерть — жизнь, которым живет природа и который нужен земледельцу». «Через чувствительное соприкосновение» сила растительности благотворно действует и на живых, и на мертвых.⁴⁴ Ср.: могилу хлещут ветвями крест накрест, приговаривая: «С легким паром, сегодня праздник у нас!»; «В Троицу ходили, березку ломали, парили родителей на могилках. Веник так и оставляли. Мы паримся, надо и родителей попарить, они тоже париться хотят. Кто положит березки [после, на могилу], кто поторнет» (*Холм.*).⁴⁵

Подобные трактовки — не инновация последней четверти XX в. и зафиксированы в фольклорно-этнографических материалах, начиная с середины XIX в.⁴⁶

Символом воссоздания, воскрешения жизни может стать и надмогильный крест — не просто украшенный троицкой зеленью, но «расцветший».

Духовская суббота в Шумилове — один из важнейших поминальных дней календарного цикла, объединявший всех жителей деревни, которые собирались на кладбище к двенадцати часам дня, дабы пропеть заупокойную молитву. Коллективный помин — устоявшаяся черта местной традиции. Ранее поминовение происходило под водительством священника: он приезжал «в субботу перед Духом» и, служа панихиду, «кругом родителей обходил» (Ф. Андреева).

Помин на «своих» могилах, следовавший за общей молитвой, включал «увивание крестов» и поминальную трапезу, разворачивавшуюся в торжественное действо. На могиле раскладывали скатерть, которая сберегалась особо,⁴⁷ — «накрывали стол», более или менее обильный в зависимости от устоев и достатка семьи, но непременно — с поминальной едой (кутьей, блинами, крашены-

⁴⁴ *Протт В. Я.* Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). С. 23, 57.

⁴⁵ Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. С. 192, 436.

⁴⁶ См.: Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб, 1849. С. 88 (*Тул., Пск.*); АРГО. Р. 24, оп. 1, № 29, л. 14—15, *Пардолоцкий Ф.* Простонародный календарь или заметки старины о некоторых праздниках и днях святых, сохранившиеся между жителями Валдайского уезда и частью Боровичского // Новгородские губернские ведомости. 1854. № 7. С. 37—38 (*Новг.*). Ср. описание локального варианта обычая обметать либо «парить» могилы, сделанное в Витебской губернии. — *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива ИРГО: В 3 вып. Пг., 1914. Вып. 1. С. 137. Об обычае «парить предков» см.: *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. Л., 1991. С. 357.

⁴⁷ Ср.: «Раскладывают старинные скатерти, с прошвами. Раскладывают помин. А берегут вакурат только для такого дня» (*Рудн.*) (Х. П. Мартынова).

Илл. 6. Помин на могиле в духовскую субботу
(д. Шумилово Велижского района Смоленской области, 1983 г.)

ми яйцами).⁴⁸ «Кутьи в кружке посолодишь и на доно [глиняной миски] нальешь. Наломашь лучиночки три и настелешь, чтобы блины не мочились. Блины, мякушку (булочку своейскую), яички поверх — вот и весь помин. С миской пойдешь на могилку» (М. С. Гапеева).

После полудня на кладбище, где постепенно собиралась родня из окрестных городков и сел, становилось многолюдно, шумно, чуть ли не весело; случались и драки. Поминование с элементами праздничного гуляния продолжалось до сумерек, однако не выходило за пределы кладбищенской ограды.

⁴⁸ Духовская суббота и в XIX в. относилась к тем «исключительным дням», когда нужно «поминать сродников» как позволяют средства и возможности». — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах собрал в Витебской губернии Н. Я. Никифоровский. С. 296. Все эти сведения вступают в противоречие с утверждением, согласно которому в духовскую субботу по всей Смоленщине на кладбище «не столь многолюдно, как на Радуницу», а поминование ограничивается украшением могил березовыми ветками и оставлением на них крашенных яиц. — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд, плачи и поминальные стихи. М., 2003. С. 116—117.

ТЕКСТЫ⁴⁹

Анисья Александровна Дроздова

1

Один раз я недалеко о двора зашла. И оказался мне город такей: дома, древа...

И куда ж я зашла! Я села в тростники и сижу спокойно...

А петуха мне матка дала. Петух мой поеть на руках. На этом месте здавалось у нас каждому.

Сидела я, сидела... Бежить собака соседская. Докуль бы я сидела, пока не отошло! Идеть Кулина с нашей деревни и кличь:

— Шарик!

А я сижу и боюсь выйти.

Такей город! Помру и не увижу ни разу!

А Шарик заходитя — деться негде! Стало отходить, светлей стало коло глазов: что это наша местность, Росляки.

Как стала одумываться, стала говорить Воскресну молитву. И отошло.

2

Черти водили. Мой дед был старшином в Кошавичах. Поехал он на кони с Кошавич.

Идётся кум Павлюк.

— Кум Михалко, возьми меня!

Пояс красный у него завязан, как старики ходили.

Поехали. Приехали к Селезням, конь заерошился. Дед на него:

— Что ты!

Да хлысь коня! Конь — раз, и в сажелку (в пруд)! А кум Павлюк захохотал и убежал.

Прибежали мужчины и коня вытянули.

3

А еще матка моя ехала с дедом. Приехали в Яновицы. Дед говорит:

— Там что-то купишь сабе!

А матка девкой была.

Подъезжам под Борки. А бани за деревней состроены. Подъезжаем: выскакивают с бани и берутся за повозку. Дед — раз по коню! Раз — по их!

⁴⁹ Тексты записаны в полевых тетрадах «от руки», без применения технических средств, поэтому сохранение исполнительской манеры рассказчиков и диалектной лексики может быть недостаточно полным.

— Это черти с бани. Как бы до деревни мне доехать!
Так в деревню и ввез их:
— Только держись за меня, девка! Ну, конь хороший у меня.
Как петухи пропели — они как сквозь донны прошли. А то бы
в деревню привез.
Ну, и приехали. Как населяются сзади, волокутся, и все.
Теперь черти в нас все!

4

Ведьмаки — это от Бога отринуты. Ведьмак — кто колдует и
делает вред.

А пользу дает — бабка. Она не только дает хорошо. Ребят об-
севают, как спужают: собирают три вещи семян и обсевают. Кинут
через голову ячмень, жита, мачку, хлебца троху. Посодят перед
Богом и сзади становятся. Какую-то молитву говорят.

5

Гадают так: чистенькая тарелочка, стакан воды ставишь и зер-
кало над ним:

— Кто мой милый-чернобровый, попроси у меня кольцо!

Одной — в какой-то шубе, шапке — так в зеркале и вышел.

— Чтобы я пошла за такого Михлюка!

А приехал он в сваты об масленице.

Или до половины метешь пол (не с куту), домятешь до порогу.
А потом отломи три веточки и положи под подушку:

— Кто мой милый-чернобровый, приди в зеленый сад гулять!

Я дружила с парнем. Он был бедный. Один раз на коляду за-
гадала на парня и вижу сон: он дошел до окнища (до провала в
болоте — *М. В.*) и воротился. И боле не видала. И на другую ко-
ляду загадала. Он пришел и говорит:

— Завернись, я буду кидать кольцо!

Я смеюсь:

— Я не вижу, куды!

И кинул, и всю траву выскребали и не нашли кольца. И не
зашла за него.

А другой вижу сон, про хозяина (про будущего мужа — *М. В.*):
идет парень из-за мха и все назад поглядает. Думаю, чего это он
назад поглядает, все равно не пойду за него! Но проснулась. Жди
его, черт кого!

И замуж зашла за него. А гадалка сказала:

— У тебя есь парень, но ты на него не надеешься. А другой
есь: окно в окно, стекло в стекло. Через мох (за болотом — *М. В.*).
И сейгод за него замуж зайдешь!

Хоть мы и не признаем Бога, но Бог все же есть. Загробная жизнь есь какая-то. Есь от-ки!

Вот я замуж зашла. Надо было к свекру овец вести. Матка, помню, чашку клала. Ложкой ток-ток о чашку! А я пришла, стою в дверях, как казак.

И идет по двору женщина. Как сегодня ето было! Собака — «гав» на нее! Она махнула рукой. Собака отвернулась. Она бярет закладку в пуне, отложила. Коня отвела рукой. Пошла в пуню и за собой подпираеть.

— Анют, иди ись! — мне кричат.

— Нам некто в пуню зашел, — говорю.

— В чем она?

Я сказала.

— Это, — батька говорит, — моя матка. — У нас кто-нибудь помрет.

А после как обсыпало меня страхом! Собака бросила боркать, стоить и смотреть, куда она пошла. Мы тихонечко открываем, чтоб она не шаркнула оттуда. И — никого!

С этого батька заболел и помер.

Померла у нас дяденка. Родами. Открылся у ей младенец. Померла дяденка, а ребеночек остался маленький.

Моя матка неделю грудью кормила того, и своо. И дядька пошел на двор ввечере. Темно уже было. Только отхутал хату — захутал и назад пришел.

— Что ты вернулся назад?

— Я как отхутал хату, стоить тут жонка. Я ей ничог не сказал. К сыну приходила, и в той же одеже!

Справляли праздник у нас. И вот одна женщина... Все соседи ядуть и ядуть. Она все сидить. Надо ж кушать что-нибудь!

Тады меня шарнули бабы сбоку: она обмирала шесть дней.

Так она меня заинтересовала! И вот я поинтересовалась с ней посидеть.

— Останься ты у нас ночевать, — говорю.

Она и рассказала:

— Так водили, так водил... А я хотела дуже погляжеть дочку. Как мглой пронесло, как волосу перегореть! Всячину показывал. Приводять меня ко рву, и как есь около огня сидить кум. И евню топить кум.

— Кума, ты ты пришла сюда?! Приткнись ко мне хоть одним перстом, я весь сгорел тут.

А мне говорят:

— Пойдем, ты не обязана дотрагиваться!

Мужчина водил.

Привел: ров большой-большой. А в том рву лежить развернутая кобыла.

Как он меня туда пихнул, я проснулась.

9

Здесь всегда был лес — звери, птицы, дубы, орехи... Когда копали торф, выкапывали дубы в три обхвата. И когда был тот лес, ни мой дед, ни прадед не помнят...

Было — стогнет все, была радость и молодым! Ныне все мертвые, и молодые и старые. Затямение. Беги с работы домов, чтобы жулик никакей не поймал.

Было: идем в праздник на реку все толпой. Дожидаешь, с какой деревни мальцы. Нынче глухь и темь.

Нечистый дух въевши, это ж антихристы!

Сейчас думают один одного как бы купить да и украсть. Господь сказал: «Приду на землю и навряд ли найду верного человека».

Придет такое время, что ни в одной семье не будет миру. Будут искать того человека, что о Боге скажет, и не найдут.

Все плохо: матки поедают детей (имеются в виду аборт — М. В.). Стены говорят, суды кривые, дороги прямые — стоим при дверях.

Акулина Филипповна Гапеева

10

Коров пас у нас дед Богомол, у него коровы веночком шли. Он верно что знал. Рожь, овес — корова никуда не пойдет, будет стоять.

Любил дуже скот, никогда не поругает.

Старик был сильно богомоленный. Что-то есь, но нам не надо звать... Ето волшебство сейчас далек уходит.

Она раз в сторону побегла, моя животина. Я и кричу:

— Чтоб тебя волки съели!

Дед Богомол меня подозвал:

— Ходи-ка сюда, молодлица. Ты не хозяйка! Ты что сказала? Свою животинку посулила волку! Коли уж невтерпеж, можешь сказать:

— Чтоб тебя не видели другие звери!

После иной раз стерванюсь, но кричу:
— Чтоб тебя волки уж не видели!
У Богомола ни одну корову не потрогают за год.

11

Моя корова, с поля шовши, раз бахнулась, и все! Она завалилась кверху ногам, глаза выгалила. Я прибегла:

Ой, рятунки! Помирает моя корова!

И была бабка. Венок уж неколи...

— Ломайте мне чаремшину!

Она с чаремшиной походила круг телки, наша телка стала и пришла, только как пьяная.

Это от сглазу.

Раз провела корову сквозь народ. Ничог не заметила... А в вечере: молоко ёсть, но молока она мне уже не дала.

Я к ей пришла.

— Сейчас, детка, помогу тебе!

Принясла венок, положила от порога на метр. Потом еще второй — на метр. На третьем стала на коленки, стала воду шептать.

— Видишь корову свою сквозь бутылку? Ее сглазили. Приди, помочи коровку и дай ей выпить.

Тая баба [потом] сгорела. Она дуже помогала! <...>

Опять что-то с коровой зробоилось... Ну, я побегла. За Мареницей женщина, она меня встречает:

— Идешь за помощью, вижу. Так и я помогаю!

Ну, я пошла до старушки в Панфилово, она мне разом и говорит:

— Кто ж хотел перенять мою водичку у тебя? Тебя женщина встретила!

А как же эта баба узнала?!

— Как идешь за помощью, — говорит, — ни с кем не останавливайся.

12

В Чеплях была старушка. Сын ее по банде ходил — Василек, а невестка яе выгнала (знаю, что было в Буднице сродство).

А эта баба пошла по миру — время притяснения было шоптухам. Идешь она по миру, идешь она в милицию.

— Ты что, бабка, делаешь?

— Детки, побираюсь. Сына зловили, не знаю, где дели.

— Бабка, нельзя ходить!

— Детки, негда жить. Ти нельзя ходить, так мне жить негде.

— Ты, бабка, шептишь?

— Шептю.

А у начальника той поры жена болела, не вставала.

— Вылечишь — дам уголок в милиции, дам комнату.

— Бог будет лечить. Я буду просить, Бог будет лечить.

А женщина логом лежить. Старушка что сделала, она стала подниматься, просить есть. Начальник дал старушке при милиции уголок, и не противилась милиция, что ходили к ей.

Я видела: идти по Велижу прибравши. Нашивные рубахи и кофты были тады. Жила ена в милиции, покуль не померла.

С Чеплев была старуха. В нашем селе была ее племянница вышедши замуж. Я к ей ходила — завела меня в переулок, пошептала... Обратило шло легко!

А сына зловили и куда-то дели, он не достався. Милиционерство это, гари оно гаром!

Сглазу бывает, с упуду. Упуд может покоробить человека, что без рук, что без ног, что без глаз...

13

До шести недель душа неопределенная, душу не определили к земли, и она домов прилетает. Есь что-то невмирущее. До семи лет человек — младенец, а уж после — раб.

Помер младенец, и ен прилетает. Ен летить как птушка, как птушка летить душа. Как взрослый — душа идти. Во всем одянии идти душа, как человек живой.

В которой одеже душа умирает, в той домов и появляется до Сорокоуса.

У сестры мужик помер. Она стала готовится к году. Вызвала меня на гон. Она чугуна выгнала самогонки:

— Возьми, догонь, а я посплю.

А я пошла за снегом на двор. А ён стоить против окна и глядеть против угла. На угол оперся и глядеть в окошко. Я не боялась ничего.

После говорю:

— Ну, Марин, приходил.

— Ой, что же ты меня не разбудила!

— А, может, тебе не показался бы ён.

Глазы вскинул, поглядел, поглядел. В той одежде, в которой со двору ехать.

Полина Ларионовна Еришова

14

Басни баят в святки. Мальцы ходят и девки. В Рожествян день начинают прясть: девки прядуть, и идут мальцы.

А нам все говорили:

— Не ходите в баню прять! Може малыцы ходят, а може хто!
Ходил один раз малец — рубашка красна, пояс зеленый.
Сидит коло прялицы и уж влюбился. (Две деревни, два села, во-
семь девок, один я... Не ходи по баням!) И подговорил девку за-
муж. А ён же не малец! Ён же не Колька! А хвост подолой!
А поди узнай, ти малец ён!

— Я тебя увезу в двенадцать часов только!

— А что, если днем завтра?

(Ну, эта была дура девка! Ему-то только до двенадцати часов
ночи! Она где же поймет! Во, Любкину же бабу черти на печке
ссадили. А у нас была коло дороги баня... Есь лизуны, и черти
есь! Поглядим: ей-Богу мелькается!)

А заметила у его хвост. И говорит малой сестре:

— Буду тебя обувать, кричи: «Неловко!»

Ён говорит:

— Быстрой! Надо кубелы (сундуки — *М. В.*) забирать!

А сестра:

— Неловко!

Ну, обула ей. «Верно я поеду». А ён когда повернулся, она
хвост заметила.

Ну... Надо поехать. Один кубел поставили, другой, третий.
Приехали, подъезжают.

— Ну, вот сейчас будет дом!

Яма выкопан глубок, с хату:

— Ти ты полезешь вперед?

— Лезь ты!

Так ён полез.

— Ти все тебе кидать?

— Нет, поодиночке! (А ей, верно, сделали заклятье ей).

— Ти все?

Так она взяла все — и туда в яму! Глядь — она уж пошла
убегать!

Так бежить: раз — платок с себе долов! Ён камень на камень,
дробны части разобьет... И опять догоняет! Она крали (бусы —
М. В.) с себе долов: опеть бежит! У ней уже тельна рубашка одна
осталась. Так к воротам подбегат, петух:

— Куль-кули!

Только и спаслась!

То не ходите по баням! Мимо бани раньше ходить боялись: ти
заловят нас? Черти черны, а лизуны желты. Мужик или черт? Вот
бьгём — а никто не бежит за нам!

15

На Здвиженье мы были в поле. А на Здвиженье змеи хова-
ютца. Не ходите в ягоды!

И взошли коровы на мох. Я пошла догонять. Как лежить круг [змеи]...

Кричу заступки! Покуль Павлик пришел — куды тот круг делся! В землю змеи пошли.

Он знал заговор какой-нибудь. Возьмет змею и на грудь посадит. А Ольга ходила в ягоды босиком. В поставку втыкала иголку.

И надо сказать три раза:

— В лес иду, осиновый колик беру, кого найду, того колом убью!

Матвей Никонович Никонов

16

Убил тут один у нас аистиху, то есть подранил сильно. Женщина ее подобрала и сохраняла до сентября.

Она уж и хольная стала. А потом попросилась на двор, вышла за околицу и издохла.

А аист прилетает все время. Ну, он женку себе не найдет. Мы можем себе найти: подружались, и опеть.

А аист — нет, неправильно. Аист не может, ему надо одна, и все, конец. Аист другую семью не может заводить.

С этим аистом я бы подружился, так бы... Ходить он один, прилетить, побудеть... Жалко.

Он тоже жить хочет.

17

Я сам с 16-го года, но знаю намного назад, потому что мой отец, дед и дядьки прожили намного назад.

Вот банька, одна уже есть у меня. Я ее сделал как куклу, посадил шапку. Окно есть, вид есть. Можно придать туда свет, разделать фронтончик. Карнизики для фасона и чтобы не забивали буря, снег.

Лес хороший, руки пока гнутся! Вырежу железного петуха на крышу, а в окно будут пиво ресторанное подавать. Может, я когда хочу отдохнуть здесь культурно и хорошо!

Руки мне отзываются.

Дом после войны поставил. Пришел... Все у меня сгорело, ничего нет. Дом ставил большой, чтобы себя не позорить. У меня никто не живет без крыши. У коровы окно: она смотрит. Сильно спокойная коровка, зовут Вишня. Дом для кур...

Когда я шел на войну, весь измокши, да по болотам, я после все изучил, чтобы ни мне, никому плечи не мочило. <...>

У меня большой аппетит появился к пчелам. Пчела за пять километров летит, несет грамульку меда и (как это можно сопо-

ставить!) кормит нас. Кормить ее не надо, в хлев загонять не надо. Если в обед не заспел их, они все равно не улетают от меня. Они, верно, тоже меня полюбили, потому что я отношусь к ним как отец, со всем услугом к ним.

Пчела семью развела во какую! Как их разместить? Квартира-то маленькая. Молодая семья уходит, а старая говорит:

— Я себе жизнь найду.

Как в жизни бывает... Что дом рубить, что улей!

Пчелы грязь не любят. Утепление засторонить. Как я это сделаю, только пчелы у меня никуда не уходят. Приду — у меня пчелы сидят, дожидаются меня.

Пчела свою голову подставляет под хвост и крылышки прячет. Русло души своей у нее все сухое: чтоб человек для них и они для человека трудились на славу. Когда они ушли на работу, а ты тишенько воруй у них. Но не трогай ихнее добро, а возьми, сколько положено. Пчелу тоже надо освободить.

Когда я пришел в 46-ом году, проходит год, я три березки сажал, и дубы, и липы. Я любитель всего. Захотел, чтобы после моей жизни сказали: был человек, и не стало. Но он был. <...>

Жулейки тоже делал, с крушины. Высушивают крушину, просверливают и делают дудку. Как свирель просверливают. Она и танцы играет, и песни производит.

А так я и сам играл. И скрипку делал. Как уехал в армию, у меня осталась гармонь. И пропала.

Скрипку делать очень просто. Ходил в лес, драл кленовую тонкую пленку. Она в три миллиметра толщиной. Как лучинка. И гнешь, как у скрипки поделано. Крышку выделал сквозную, чтоб не клеить. Гриф кленовый или же ореховый. Он крепок и послушен. Это все музыкальное!

Дед привез скрипку из Германии в 1914-ом году. Свадьбы играют — к деду Сапрону надо. Это ему дарил когда-то ундерто: ружье подарил и скрипку.

В то время сильно славился тот, кто играл на скрипке. Была семья: двое играли на скрипках, третий на цимбалах. Как дадут на скрипке и цимбалах! Их же уважали... Когда человек умеет делать что-то хорошее, это сильный дар, хорошее. А с другого некого спросить.

Смычок для скрипки — конский волос. Выбираешь от хребетки. Если будет он своевременный, очищаешь. Смычок ценный. Палочка — кленина, вязина... Тоненько выстругаешь и обработаешь, лочком тернешь. Чтобы был склизкий, чтобы ты протянул по руке, и тебе было не стыдно.

Липа, клен — инструментальное дерево; береза, осина — дровяное; сосна, ель — строительное. Дерево хорошее, которое само работе подчиняется.

Чтобы понять жизнь, надо крепко подумать. Роблю! Праздники не признаю, хучь людей неудобно. Надо же все вырастить, приготовить, тогда оно пойдет тебе в дар...

Я городских жалею. Они железо не будут есть! А хлеб есть самая сильная наша борьба. И надо традицию тую беречь, которая нас кормит. Природу ничем не перешибить! Интересно пройдено путь, а все ворочается к тому, что раньше было. Можно только подумать своим мыслям и сказать, что да, человек прожил великий век.

Было мне двадцать семь лет... Что поглядеть: старшина! А теперь — просто старый.

Федор Осипович Андреев

18

Было гонения по Двины. Литва шли и Польша. И один человек нашел это место, и фамилия ему была Шумилин.

И развел деревню, и тут сабе все разработал. Шумилин этот не дурнэй был, выбрал место самое хорошее: и на ключах, и земля хороша.

Природа на месте не стоит никогда, она колеблется.

Сынов тут построил, дочок. Тысяча годов прошло, а, может быть, и больше тысячи годам.

Таперь опять пошла на низ эта деревня. Болотом зарастет. Нас не будет, только будем помирать, помирать...

Хлеб-то пахать надо кому-то, без хлеба они не смогут, будут что-то придумывать. Дадут условие молодым, и будить как на целину.

А какое тут можно условие дать? Трудиться надо. Им веселость надо, свобода, и все такое.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ

1. Один раз... Понизовье Руднянского района Смоленской области, Дроздова А. А., 1903 г. р., 1983. Девушке видится чудесный город. — Опубликованные версии сюжета неизвестны.

2. Черти водили. Дроздова А. А., 1984. Нечистая сила (в обличье знакомого, родственника) морочит проезжающего: просит подвезти (в итоге конь бросается в пруд). — Подобные мотивы характерны для быличек о лешем, реже — о черте. Ср.: шишкí (нечистые) просят подвезти их; заводят путника к проруби (Новг., Власова, Жекулина, 2002-II: 252); черт подталкивает прохожего к реке (Ляцкий, 1892: 252—253). Леший прикидывается прохожим, заводит разговор, присаживается в телегу, —

и плурует мужик по лесу, пока не сотворит молитву или крестное знамение. Тогда он «с ужасом замечает, что висит где-нибудь над пропастью или притянут со своею лошадыю к вершине какого-нибудь дерева» (а его «слутник», внезапно поднявшись выше леса, с хохотом исчезает) (Волог., Верюжский, 1864: 86). Представления о «вождении» лешим и о его способности принимать разные облики отмечены в Смоленской губернии (Добровольский, 1908-1: 4).

3. А еще матка моя... Дроздова А. А., 1984. Нечистая сила («черти с бани») мешают проезжающему: задерживают коней. — Ср.: черти (нечистая сила, леший) забираются в повозку: лошадь не идет (Арх., Ефименко, 1864: 51; Мурм., Балашов, 1970: 343—344); черти задерживают коней (Новг., архив соб., 1988).

4. Ведьмаки... Дроздова А. А., 1983. Запись повествует о традиционном разделении «знающих людей» на тех, кто «делает вред» и «дает пользу». «Колдуны и знахари различаются по роду своей деятельности. Первый действует с помощью нечистой силы» (Новг., АРЭМ. № 710: 5). В смоленских материалах XIX—XX в., где такое разграничение может быть очень отчетливым, противопоставляются не только доброжелательный знахарь (дед, бабка) и колдун (ведьмак), но добрый и злой знахари. «Добрый знахарь Божьим именем пумугають людем, а злыи знахари тириз аггала чарадэйтвуютъ» (Добровольский, 1891: 84). «В тех случаях, когда болезнь приписывается навождению злых духов (порче), не приглашают и лечат у врачей, а советуются с дедами и бабами» (Смол., Цебриков, 1862: 265).

5. Гадают так... Дроздова А. А., 1984. Гадающая видит в зеркале будущего мужа. — Новг., Черепанова, 1996: 100; В. Сиб., Зиновьев, 1987: 294, и др. (мотив общераспространен). Гадающая дважды видит во сне любимого парня (к разлуке), а на третий раз — будущего мужа (к свадьбе). — В тексте описан редкий способ гадания (с прутьями веника). Возвращение парня с половины дороги, потерянное кольцо трактуются как предвестья расставания.

6. Хоть мы и не признаем Бога... Дроздова А. А., 1983. Покойник «ходит» после погребения: показывается к смерти одного из членов семьи. — В основе распространенного сюжета — представление о том, что появление покойника, кровно связанного с домом, может предвещать смерть кого-либо из его близких: «другого покойника ищет» (Арх., Карнаухова, 1928: 88). «Покойник у ворот не стоит, а свое возьмет» (Смол., Добровольский, 1897: 375).

7. Померла у нас дяденка. Дроздова А. А., 1983. Умершая мать приходит кормить грудью ребенка. — Ср.: Афанасьев, 1985: 69; Зиновьев, 1987: 276 (В. Сиб.); Арх., Черепанова, 1996: 21 (Арх.); Власова, Жекулина, 2001-II: 300 (Новг.). Поверья о встающей из могилы матери грудного ребенка бытовали в смежных районах Смоленской и Витебской губерний повсеместно (Никифоровский, 1897: 293). В расширенных версиях сюжета покойница-жена либо муж навещают родных, пытаются помочь по хозяйству (в том числе — накормить, причесать, вымыть детей). — Семенова, 1898: 233—234 (Ряз.); Колчин, 1899: 47—49 (Тул.); Машкин, 1903: 106 (Курск.); Ончуков 1909: 570—571 (Арх.); Порфенцева, 1974: 10 (Ирк.); Зиновьев, 1987: 267—272, 275 (В. Сиб.);

Черепанова, 1996: 29 (Новг.), и др. Согласно трактовкам рассказчиков, возвращается именно сам умерший, а не душа умершего в материальном обличье либо нечистый в его обличье. Тем не менее, приход покойника нежелателен, опасен. Ср.: «кроме чаровников, из могил выходят матери к оставшимся грудным детям, разные неприго́мники, недовольные родственниками, желающие места и проч. Все они тревожат живых, и от этого приходится искать спасения в различных подручных средствах» (Витеб., Никифоровский, 1897: 293).

8. Справляли праздник у нас. Дроздова А. А., 1982—1983. Обмершая женщина странствует «по тому свету». — Ср. различные версии повествований об обмирании: Добровольский, 1893: 336—337 (Смол.); Попов, 1903 (Пенз.); АРЭМ. № 841: 12 (Новг., Череп.); Черепанова, 1996: 30, Власова, Жекулина, 2001 — II: 297—298 (Новг.), и др. В записи, сделанной на Смоленщине, обмершая женщина переносится в пространство, напоминающее монастырь либо церковь, однако его концовка почти тождественна тексту А. А. Дроздовой. «Повели к яме: “Глянь сюда!” — И там одни ребра, мне в ребра пихнули» (в этот момент обмершая просыпается) (Добровольский, 1893: 337).

9. Здесь всегда был лес... Дроздова А. А., 1984.

10. Коров пас у нас дед Богомол... Шумилово Велижского района Смоленской области, Гапеева А. Ф., 1911 г. р., 1983. «Знающий пастух» учит хозяйку обращению с домашней скотиной. — Согласно традиционным представлениям, умелые пастухи могут быть колдунами либо знахарями, «дédят и колдуют» (Смол., Добровольский, 1897: 360). Пастух, о котором идет речь, подчеркнута богомолет, то есть входит в категорию добрых знахарей, которые «помогают людям Божьим именем» (Смол., Добровольский, 1891: 84—85); употребляют в наговорах молитвы (Новг., Пардалоцкий, 24: 1).

11. Моя корова... Гапеева А. Ф., 1983. «Знающая женщина» (бабка) «ладит» корову. — Ср.: знахарь уничтожает «поддел» (снимает порчу) (Смол., Добровольский, 1891: 85—86). В быличке описаны магические действия с венком, которые плели для коровы на Троицу.

12. В Чеплях была старушка. Гапеева А. Ф., 1983. Нищая бабка-шептунья, излечившая жену милицейского начальника, получает приют (комнату при милиции). — Опубликованные версии сюжета неизвестны.

13. До шести недель... Гапеева А. Ф., 1983. Покойник «ходит» после смерти: является (прилетает) домой на сороковой день после погребения. — Ср.: Черепанова, 1996: 20—21, 22—23 (Волог., Новг.); Зиновьев, 1987: 270 (В. Сиб.). Рассказчица уточняет: младенец (дитя до семи лет) прилетает домой «птушкой», но душа взрослого — двойник умершего (либо сам умерший), который не летит, а идет. В поверьях русско-белорусского пограничья представления о «крылатости» умершего соседствуют с верой в его способность «вставать и ходить». «Приближаясь к кладбищу (во время похорон. — М. В.), на определенном расстоянии от него можно увидеть всех погребенных здесь мертвецов, которые поднимаются, чтобы посмотреть на своего нового соседа» (Витеб., Никифоровский, 1897: 290). «Душа вылетает из покойника бабочкой, мухой, птичкой... “Птушкой выливила из яго душа”» (Смол., Добровольский, 1893: 307).

14. Басни баят в святки. Понизовье Руднянского района Смоленской области, Ершова П. Л., 1906 г. р., 1983. Девушку, которая во время святков прыдет в бане, сватает черт, обернувшийся красивым парнем; увозит ее в свой «дом»; девушка тянет время до крика петуха и спасется. — Первая часть сюжета повествует о пребывании в бане во время святков, чревато опасностями, но необходимым, судьбоносном. В бане гадают, «узнают» судьбу, обретают суженых; подвергаются искушениям, испытаниям; нападению чертей и прочей нечисти. «Для своих посиделок девушки выбирают обыкновенно нежилые избы, а то и просто бани. Свободно, вольготно им там, никто не мешает им предаваться веселью. <...> Полночь, всеобщая тишина... Вот-вот к ним заглянет домовый, волкодлак, лаума, какая-нибудь нечистая сила. Да и от баб, теток и дедов не раз слышали они, что именно на посиделках и сдаются девушкам разные страхи» (Смол., Добровольский, 1891: 141). Сюжеты о настоячивых попытках нечистого завладеть девушкой бытовали и в XIX, и в XX в. См.: Померанцева, 1975: 180. Ср. рассказ о чертях, подстерегающих девиц на посиделках (Пск., Ромодин, 1990: 209). Вторая часть былички напоминает сюжет о «женихе-мертвце» («женихе-нечистом»), который записан в разных версиях и вариантах во многих областях России. — Добровольский, 1891: 126—127 (Смол.); Иванов, 1900: 99—100 (Орл.); Смирнов, 1920: 51—52 (Костр.); Едемский, 1908: 215—216 (Волог.); Ончуков, 1909: 102, 575—576 (Арх.); Зиновьев, 1978: 273—274; 272—273, 275—276 (В. Сиб.). См. также СУС 365 Жених-мертвец.

15. На Здвиженье мы были в поле... Ершова П. Л., 1983. В праздник Воздвиженья змеи собираются в лесу; не дают прохода людям; «знающий человек» спасает от змей. — В основе сюжета — устойчиво сохраняющееся поверье: в день Воздвиженья (Здвиженья; 14/27 сентября) змеи «здвигаются», сползаются в одно место, а затем уходят под землю (Смол., Добровольский, 1891: 94—96; Орл., Тамб., Влад., Максимов, 1903: 506, и др.) или «лежат колесами», «гуляют, трутся друг об друга и закатываются» (Новг., архив соб., 1987). Вера в то, что от змей оберегают «знающие люди», а также особые заговоры, магические действия была распространена повсеместно. Ср.: змеи повинуются знахарю; знахарь расщепляет осиновою палку и зажимает в нее змею, карая ее за то, что она укусила лошадь (Смол., Добровольский, 1891: 86). «Одна знахарка хвалилась: “Я как гляну на змею, так она и околет. От этого я не вижу их — Яны бягутъ от мяне!”» (Смол., Добровольский, 1908-2: 154).

16. Убил тут у нас один аистиху... Большая Ржава Велижского района Смоленской области, Никонов М. Н., 1916 г. р., 1978.

17. Я сам с 16-го года... Никонов М. Н., 1978.

18. Было гонения по Двины. Шумилово Велижского района Смоленской области, Андреев Ф. О., около 70-ти лет, 1983.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Андреаполь. — Андреапольский район Тверской области
Арх. — Архангельская губерния, область
В. Сиб. — Восточная Сибирь
Велиж. — Велижский район Смоленской области
Витеб. — Витебская губерния
Влад. — Владимирская губерния, область
Волог. — Вологодская губерния, область
Ворон. — Воронежская губерния, область
Духовщ. — Духовщинский район Смоленской области
Жарк. — Жарковский район Тверской области
Ирк. — Иркутская губерния, область
Калужск. — Калужская губерния
Кардым. — Кардымовский район Смоленской области
Костр. — Костромская губерния
Краснин. — Краснинский район Смоленской области
Курск. — Курская губерния
Мурм. — Мурманская область
Нелид. — Нелидовский район Тверской области
Нижегор. — Нижегородская губерния
Новг. — Новгородская губерния, область
Новг., Череп. - Череповецкий уезд Новгородской губернии
Олен. — Оленинский район Тверской области
Олон. — Олонецкая губерния
Орл. — Орловская губерния
Пенз. — Пензенская губерния
Петерб. — Петербургская губерния
Пск. — Псковская губерния, область
Рудн. — Руднянский район Смоленской области
Ряз. — Рязанская губерния
Сарат. — Саратовская губерния
Смол. — Смоленская губерния, область
Смолен. — Смоленский район Смоленской области
Тамб. — Тамбовская губерния, область
Тул. — Тульская губерния
Холм. — Холмский район Новгородской области

АРГО — архив Русского географического общества
Архив соб. — архив собирателя М. Н. Власовой
АРЭМ — архив Российского этнографического музея
Афанасьев, 1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева:
в 3 т. / Изд. подг. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. Т. III. М., 1985.

Балашов, 1970 — *Балашов Д. М.* Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970.

Верюжский, 1864 — *Верюжский Д.* Народные суеверия в Верхопеевском приходе Вельского уезда // Вологодские губернские ведомости. 1864. № 27. С. 86; № 28. С. 89.

Власова, Жекулина, 2001-II — Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 2. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры / Сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2001.

Добровольский, 1891 — Смоленский этнографический сборник: В 4 т. / Сост. В. Н. Добровольский. Т. 1. СПб., 1891 (Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. XX).

Добровольский, 1893 — Смоленский этнографический сборник: В 4 т. / Сост. В. Н. Добровольский. Т. 2. СПб., 1893 (Записки ИРГО по отд. этнографии. Т. XXIII. Вып. 1).

Добровольский, 1897 — *Добровольский В. Н.* Данные для народного календаря Смоленской губернии в связи с народными верованиями // Живая старина. 1897. Вып. 3/4. С. 357—380.

Добровольский, 1908-1 — *Добровольский В. Н.* Нечистая сила в народных верованиях // Живая старина. 1908. Вып. 1. С. 1—16.

Добровольский, 1908-2 — *Добровольский В. Н.* Егорьев день в Смоленской губернии // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 150—154.

Едемский, 1908 — *Едемский М. Б.* Из кокшеньгских преданий. IV. Еретики // Живая старина. 1908. Вып. 2. С. 211—216.

Ефименко, 1864 — *Ефименко П. С.* Демонология жителей Архангельской губернии // Памятная книжка Архангельской губернии на 1865 год. Архангельск, 1864. С. 49—93.

Зиновьев, 1987 — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Иванов, 1900 — *Иванов А. И.* Верования крестьян Орловской губернии // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. XLVII. № 4. С. 68—118.

Карнаухова, 1928 — *Карнаухова И. В.* Суеверия и бывальщины // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Ч. 2. Л., 1928. С. 77—97.

Колчин, 1899 — Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. Кн. XLII. № 3. С. 1—60.

Ляцкий, 1892 — К космогоническим легендам дуалистического типа. Сообщ. Е. Ляцкий // Этнографическое обозрение. 1892. Кн. XIII—XIV. № 2—3. С. 252—253.

Максимов, 1903 — *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

Машкин, 1903 — *Машкин А. С.* Материалы по этнографии курской губернии // Курский сборник. Вып. 4. Ч. 3. Курск, 1903. С. 74—115.

Никифоровский, 1897 — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах собрал в Витебской губернии Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897.

Ончуков, 1909 — *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1909.

Пардалоцкий, 24 — *Пардалоцкий Ф. Ф.* Народные приметы, суеверия и предрассудки, заговоры и ворожба // АРГО. Р. XXIV, оп. 1, № 29.

Пардалоцкий, 1854 — *Пардалоцкий Ф. Ф.* Простонародный календарь или заметки старины о некоторых праздниках и днях святых, сохранившиеся между жителями Валдайского уезда и частию Боровичского // Новгородские губернские ведомости. 1854. № 7. С. 36—39.

Померанцева, 1975 — *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Попов, 1903 — *Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб., 1903.

Порфенцева, 1974 — *Порфенцева Г.* Об устно-поэтической традиции Приленья // Сказки Приленья. Под ред. Е. И. Шастиной. Иркутск, 1974. С. 7—13.

Ромодин, 1990 — *Ромодин А. В., Ромодина И. А.* Рассказы о посиделках (Публикация экспедиционных материалов) // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л., 1990. С. 204—213.

Смирнов 1920 — *Смирнов В. И.* Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Второй этнографический сборник. Вып. 15. Кострома, 1920. С. 21—126.

Смирнов, 1927 — *Смирнов М. И.* Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (Владимирской губернии) по этнографическим наблюдениям // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. 1. Переславль-Залесский, 1927. С. 91—106.

Семенова, 1898 — *Семенова О. П.* Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанского, Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 228—234.

СМЭС, 2003-I — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. Календарные обряды и песни. М., 2003.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979

Цебриков, 1862 — Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. XXI. Смоленская губерния / Сост. М. Цебриков. СПб., 1862.

Черепанова, 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и коммент. О. А. Черепановой. СПб., 1996.

* * *

Аннотация: В статье М. Н. Власовой обнародованы и проанализированы фольклорно-этнографические материалы, относящиеся к ареалу так называемого «русско-белорусского пограничья». Особое внимание уделено Троицкому обряду «венчания коров», который автор статьи на протяжении нескольких лет подряд наблюдал и описывал в д. Шумилово Велижского района Смоленской области.

Собранные сведения позволяют существенно дополнить и уточнить представления об основных элементах и направленности Троицкого «венчания», поскольку в живом бытовании этот обряд, привлекая в последнее время внимание многих фольклористов, в данном регионе никогда не фиксировался.

Ключевые слова: фольклор, этнография, Троицкая обрядность, несказочная проза

Abstract: In the paper of M. N. Vlasova folkloristic and ethnographic materials collected in so called «Russian-Byelorussian frontier» area were published and analyzed. Special attention was paid to the Trinity ritual of «cows wedding ceremony». Author had been observing this ceremony in the village of Shumilovo (Velizhsky district of Smolensk oblast) during few years and then described it. The collected data allow significantly supplementing and specifying the conception of basic elements and directivity of the Trinity “wedding ceremony» because this ritual which has recently attracted attention of numerous folklorists has never been actually registered in this region.

Keywords: folklore, ethnography, the Trinity rituals, non-tale prose